

Александр ВОЛОВИК

ДОГОВОРЁННОСТИ

HANDMADE

2003
Москва

26 декабря 2003 г.

© А.И. Воловик, 2003
Стихи 1998 – 2003 гг.

*Время – вдохновенья. Начинаю пенье.
Завершилась осень по программе всей.
Еду в электричке, словно предок в бричке,
стукают колёса об своих осях.*

*Узкая колейка (или же коленка)...
Правды нет и выше, как сказал Поэт.
Эй, салаги, глянь-ка, вот она, нетленка.
Её классик пишет, созидая свет.*

*Сотворенье мира – чья прерогатива?
Может, скажешь, бога? Да окстись, откель!..
Это я, заметьте, словно чиж на ветке,
попою немного и глядишь – О Кей!*

*Мир клубится, дышит, он не гладью вышит,
– Может, нарисован? – Бред! Галиматья.
Мною он задуман. У меня во лбу он.
Да и нет иного миру бытия!*

2001

БУКВЫ И ЦИФРЫ

Как неверный супруг, урка мафии,
или, как агент ЦРУ,
я живу двойной биографией
и, наверное, так и умру.

С утра, развозящий цифры
по вдрызг ледяной Москве,
я ночами играю в игры
с буквами: А, Б, В...

Вроде граней кубика Рубика
(но проворнее) их кручу,
и в скрипе мне слышится музыка,
молчанию карачун,

может, бледная или резкая,
а по мне – как раз в аккурат,
за застиранной занавескою
бормочет всю ночь подряд...

Но наступит число на грабельки
в одно из пасмурных утр,
и те цифирки как кораблики,
в рублик сложены, приплывут.

В этой связке – Рубики-рубрики –
компоненты равно важны.
Суммы пусть будут кругленьки,
остальное – любой длины.

Приручившему стаю ангелов
зла-добра не пресечь черту...
Как атлет, увенчанный штангою,
равновесие грузов чту.

Может, цифирки повесомее:
их ведь меньше на тот же вес,
но зато от них больше оскомины,
а от буковок больше чудес...

И пока эскалатор стонущий,
обживаемый мной встояка,
репетирует рёв чудовища,
я, подрёмывая слегка,
чудесами и пользой схваченный,
балансирую на тропе,
как отец перекрёстной мафии
или ставленник КГБ.

2001

Начну балладу длинную писать
с сюжетом, что короче мини-юбки,
по ходу текста расставляя шутки,
чтоб тех перипетий не замечать,
что всё равно банальны, как в кино,
или ещё банальнее – как в жизни;
там помяну чернил дороговизну,
там – ум политиков освистан будет мной,
а там – глядишь – и главного героя,
который – это ясно – мой двойник,
заставлю написать десяток книг
(бездарных); пусть в экстазе землю роет,
а я их, между прочим, процедив
(талантливо!) сквозь действие основное,
в конце его так буду горд собою,
что вскорости решусь на рецидив.
Но это будет всё-таки не сразу:
когда ещё конец! Пора начать,
и – хоть и не надеясь сдать в печать –
святая (вручную) стартовую фразу,
как например:

1998

киТЫ И Я

Стихосложение стоит
на нескольких китах.
Кит первый – **рифма**. Я – джигит:
привстал на стременах.
Пустил фонтан, машу мечом,
галоп мой, как полёт.
И тут никто мне нипочём:
я – классный рифмоплёт.

Но вот я на другом ките.
Здесь рифма не при чём.
Тут нужен **образ**, т.е. *“имаж”*,
ответ вопросу “как?”
(Подобна девушка мечте,
катамарану – чёлн,
отделу виз – отдел продаж
и умнику – дурак.)

С китом **звучания** – игра,
достойная мужчин.
Он *“бобозбби”* спел с утра,
а к ночи – *“дыр бул щыл”*.
(Не золотая ль, как игла –
о, как она могла! –
мгла углеглазая легла
на гладь из-за угла?..)

Четвёртый кит трудней других,
крутой, как силлогизм.
С него скатиться можно вмиг,
к тому же, в самый низ.

Тут, если Ленский, то – дуэль,
Пьеро – коль Арлекин.
И – если **смысл** не надоел –
он вот, куда ни кинь.
Киты смеются и скорбят
(я так бы мог и сам!)
И я скачу, как акробат,
теку по их усам.
Там есть ещё штук пятьдесят,
но я такой мастак,
что спеть могу и поплясать –
да хоть на ста китах!
1999

КУНШТЮК

*Из двух притяжений ты выбрал земное
Виктория Волченко*

Дуди, оркестров медь. Мурлычьте, славы тигры.
Судачь о том, о сём, газеты скорбный лист.
Не выбравший – суметь, и не сумевший – выбрать,
восторжествуй, Осёл, ума максималист.

Под тяжестью в руках наполненных стаканов
я – самозванный зав исчерканных бумаг –
прославлю ли в веках твой подвиг Буриданов,
герой, погибший за – плоды обоих благ!..

Летален был итог. Но не перемудрили
учители Начал (не помню их имён).
Тебя сгубил подвох коварной симметрии,
ведь насмерть ты стоял промежду двух копён.

Асфальты и цветы топча пятой весомой,
и в горних высях след чертя концом крыла,
я в точности как ты – к *одной* копне соломы
не стану возделеть, кусая удила.

Когда ж меня за фук возьмут вражда и злоба,
не выроню ничуть *Викторию* из рук.
Из притяжений двух я выбираю – оба.
Шагаю и лечу. И в этом весь кунштюк!

1999

МОЕМУ ПОПУГАЮ

Выдан соловей мне под талант –
петь эквивалент эпिताлам.
Маленький зелёный антипод,
он летуч, умён и антиподл.
Пусть он *зернофаг*, но – даровит:
весь сервант обкакать норовит.
Уж меня в заложники взяло
слово его, сложное зело.
Перед ним мальчишка я: учусь –
строчкою, очищенной от чувств,
жизнь без берегов и переправ
отзеркалить, ловко переврав.
Ах, как нам чудесно с ним вдвоём!
И поём мы вместе, и клюём,
и почти вприсядку (без *котурн*)
дарим миру ряд карикатур.

22.10.03

ДОГОВОРЁННОСТИ

другим –
дырка от бублика...
В.В.Маяковский

Договоримся о времени,
скажем, 15 без четверти,
скажем, столетье текущее,
месяц, допустим, июнь.
Договоримся об облике,
скажем, в *берете малиновом*,
типа – высокоморального
(кто недоверчивый – сплюнь).
Договоримся об облаке,
чтобы высоко, мобильное,
шитое белыми хлопьями,
радостное от обнов,
плыло кометой решительной
в сладком компоте малиновом
в сторону розовой вечности
ровно в 15 часов.

Договоримся о воздухе.
Договоримся о вечности
Договоримся о рубрике.
Договоримся об облаке.
Договоримся об облике.
Договоримся о бублике...

2002

Мои стихи формальны, не душевны
не оттого, что я от вас скрываю
свои признания и свои прозренья,
сомненья, вдохновенья, размышленья,
своей судьбы кудрявые загибы,
А потому, что – НЕТ их у меня!
Те, кто имеет подлинную душу,
такое бестелесное создание
(т.е. созданное нечто – не известно,
кем, для чего, зачем, когда и сколько...),
они-то этим обладают всем...
Они витают в разных *эмпиреях*,
они нектар с утра употребляют,
амброзией занюхивают чинно,
перо в персты, и – рифмы потекут...
А у меня подобные понятия –
когда я трезв – глухое раздраженье
лишь вызывают. Только кружка пива
внушит и мне лирический настрой,
текущему подобный. Но течение
его не до Каспийского дотянет,
как Волгу – моря; седины Байкала
не замутит мой неглубокий стих,
и Логика великая (с заглавной
её пишу я буквы) не одобрит
высказываний этих неконкретных,
в которых смысла не было и нет.
2000

Дм. Авалиани, А.Бубнову, Г.Лукомникову,
С. Литвак – мастерам

Палиндромы, анаграммы,
листовертны и т.д.
рыщут как бы за горами
и в неведомой воде.

Наклонись за отраженьем,
глянь – и вытянешь сюжет –
и из пальца, и из жмени,
без страдальцев и без жертв.

Без какого-либо катор-
жного рабского труда
с симметричного плаката
в рифму лезет ерунда.

Но за этой ерундою,
незаметные почти,
славу стройке и удою
запевают трубачи.

Они дуют, поддувают,
раздувают смысла свет,
но выводит их кривая
в те края, где смысла – нет.

И бесформенная заумь
кличет книжку и тетрадь
плакать твёрдыми слезами,
красным смехом хохотать.

Ни сюжета, ни морали,
из трезвона бубенцов –
чики-брики, трали-вали,
ёксель-моксель, *цекон цов!*..

1999

БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР-2

Непоспевший пострел, я был, якобы, смел.
Не используя сленг и блефуя отчасти
и отчасти шутя у фортуны в гостях,
я назвал себя так: *безделушечный мастер*.

*Вы поймёте, – я думал себе на беду, –
что́ имел я в виду, где́ иронию вычел.
Бубенцами – для дам я украсил свой дар,
только внешне фигляр, а не деле – трагичен...»*

Времена протекли, понимаете ли,
обезличены *литературным процессом*,
и п(р)отухла свеча вдохновенья на час,
и выходит, я – *чайник!*.. (Простите, профессор.)

Кипячусь и пыхчу, за невнятную чушь
не краснея ничуть; и, трудясь, как крестьянин,
за строфою рифмю привычно строфу,
и – как будто в шкафу не бряцают костями.

И как будто всё складно, и вот уже взят
тот рубеж, где назад не шагнуть ни полтакта.
Сколько *стр-р-расти* в душе!.. Поэтичности же,
как на том рубеже – ностальгии у танка...

Что поэт, то – пророк. Погрузясь по пупок
в ключ кастальский, продрог я и выскочил греться.
Что́ бы мне потерпеть и хотя бы на треть
в *слове* понатореть тренировок посредством!

Вот – на грех или смех – напророчил: не смерть –
пенсионную смесь: безделушки, баклушки...
...Осень – вижу с тоскою. Пора на покой.
Отдохнуть бы в какой-нибудь, что ли, Алуште...

2001

ИЗ НЕДОДЕЛАННОГО...

Формальная задачка такова:
используя обычные слова,
изобразить обычное явление
так, чтобы закружилась голова
читателя, читающего текст,
хотя б он был из тех же самых мест,
что автор, и сюжет стихотворенья
ему знаком, казалось бы, и, с детства
раннего владея языком,
но без привычки плыть под потолком,
тем более под куполом небесным,
он чертыхнётся, даже *матерком*
покроет автора и только что в завком
не обратится, чтобы ярлыком
того снабдили, впрочем, безвозмездно,
для вслух определенья прямымком.

Затем, чуть только он уразумел
что автор всё-таки в виду имел,
уж тот затеял каверзу иную,
должно быть, больше не имея дел.
Хоть поздно, и пора бы в виде *ню*
заслуженно *отбодрствовать* ко сну,
но я её сейчас поименую
или, по крайней мере, поясню.

А именно: на паре-тройке строф
манипулируя с подменой смысла слов
или так называемых *метафор*,
он как бы в ту же сторону готов
толкнуть громоздкий свой локомотив.
На деле же совсем другой мотив
дудит из-под сурдинки гнусный автор,
читательницу с *понтальку* сбив.

(Я думаю, все поняли давно:
читатель мой не *он* и не *оно*.)

– А кто ж тогда? – кто-кто – **ОНА**, конечно.

– Лишь **ЕИ** понять поэзию дано!

1999

NULLA DIES SINE LINEA – НИ ДНЯ БЕЗ СТРОЧКИ

Как ни странно, данник строчки – человек –
клёвый вьюноша и квёлый старикан –
разлипает лепесточки ль сонных век,
примеряет ли верёвочки к крюкам.
Хоть и муторно, и скверно, и с утра
в голове с проблем вчерашних тяжело –
не забудь: строка по-прежнему – остра
и не пробуй перекашивать стило.
Райский край – родные вёты – надоест
(лучше в эндшпиле, чем в очереди – мат!),
за окошком проплывёт ли Эверест,
призрак совести почешется ли, гад,
революция ли грянет или бунт,
НЛО ли лопнет инопланетян –
мы вперяемся – как в пуп латунных Будд –
в лист бумаги (глазки тлеют, как метан).
Чтó влечёт – причём, немедленно – строку:
пышет юноша, марает старичок –
потому что в тазобедренном боку
ощущают *либидоидный* толчок.
Ах, не тот ли, пуск отметивший времён,
первозданный, рукотворный ли – как знать! –
ныне ветром отгремевших перемен
мне вдувает эти буквы в тетрадь?..
И, выходит, состояние стиха –
нулля-дис... и так дальше (не новó!) –
SOS Вселенной, а не чушь, не чепуха,
и её (Вселенной) соль и существо.
Это, собственно, и всё, что мне пришло
в, как бы, голову, и я – по мере сил –
данный тезис, применяя ремесло,
обозначил и как мог – осуществил.

2002

* * *

Ты лети, моя строка, дактиль-амфибрахий,
к дамам после сорока, а девчонок – на фиг!

Аж до самого нутра жми сердечный клавиш,
и, пожалуй, до утра их страдать заставишь!

Поступь девушек легка среди троп-метафор...
А проснёшься – от звонка (то есть, я, твой автор!):

*«Вы же гений, дорогой! Первый в нашем крае!
Ваши строчки... Боже мой! Данте – отдыхает!»*

*Я читала Вас всю ночь, раз, наверно, двадцать.
Вся в восторге – прям невмочь! И хочу отдаться...»*

Я отвечу: «Я же – над – ваших адюльтеров.
Я же, знаете, женат, так что знайте меру!»

Трубку плавно положу, как волну на берег,
и ещё стишок сложу – для пенсионерок.

2001

ТАЛАНТЫ – ПОКЛОННИКАМ

Делà – чтоб им было пусто! –
и быт – Диоген, прости...
но всё-таки есть Искусство:
музыка, краски, стих!

Чтó – суета, получки,
житейское море слёз! –
то косы у нас, то тучки,
и тучен у нас укос.

Нам – на вершину виза,
а вы – от любви сомлев –
нам принесёте снизу
котлеты, вино и хлеб.

И долг – платежом, как в банке,
мы вам вернём поутру:
использованную вакханку,
счастливую вашу сестру.

И все обоюдно рады
бряцанию наших лир.
О как гармоничны нравы!
Как симпатичен мир!

2002

*Люблю обычные слова
Д.Самойлов*

Люблю обычные слова:
'картошка', 'девушка', 'бутылка',
'буфет', 'тетрадка', 'голова'
и прилагательное 'пылко'¹.
Для необычных, верно, стар,
таких, как 'браузер' и 'триллер',
'постмодернизм', 'нон-стоп', 'пиар',
'дог-шоу', 'имидж', 'спонсор', 'киллер'...
Меня вообще тошнит и рвёт
от всяких умных выражений,
и я воздерживаюсь от –
паронимических сближений.
2001

¹ Автору, в общем, известно, что 'пылко' – не прилагательное... Ну и что?!

*Всё васильки, васильки...
А.Апухтин*

Демокрит учил:
 «Кто напишет стих
 гениальный? –
Лучше всех: дебил.
 Или – просто псих
 ненормальный.
Кто здоров душой
 и в диспансер не
 привлекался,
лирик небольшой,
 хоть в своём уме
 он остался.»
Что же делать мне:
 в гении хочу!
 Впору – сходу,
будучи в уме,
 тело – палачу
 и – в свободу!..
Я латынь постиг,
 по санскриту бõ-
 тал и фене...
Думал, выйдет стих,
 мне орут: «Тубо!..» –
 псы на сене...
А за то, что я
 ни ногой в ШИЗО²
 (ну, нет квот там!..)
Ганнушкин меня
 характеризо-
 вал животным...

² Здесь: не *Штрафной ИЗО*лятор (в тюрьме), а *ШИЗО*френиче-
ское *Отделение* (в больнице); да, в сущности, это одно и то же...

Как меня лишишь
ненаглядных *элюк* –
о *нетленке*? –
А всего-то лишь
молоточком – *тюк!* –
по коленке.
Разомкну уста:
будь ты Гераклит
плюс Ломброзо,
не тяни кота,
позабудь про ритм,
живи – прозой.
Я и средь скорбей
лиру пронесу,
не нарушу...
О алжирский бей
с шишкой на носу,
глянь мне в душу!..
Жуй, поэт, стекло,
будь Наполеон
тире Сталин...
А не помогло –
думай, прав ли он –
в мире спален...
Всё опять не так...
Как-то не с руки
вышло: кисло...
В мыслях кавардак.
В поле васильки...
Васильки всё...

2000

ЗАГОТОВКИ: ЧТО НА ЧТО ПОХОЖЕ.

Красный цвет – на пролитую кровь.
Матерщина – на удар по роже.
Масто-бронто-донты – на коров.
На овощерезку – гильотина.
На головореза – футболист.
Жизнь – на эпизод кинокартины.
Чёрная икра – на яйца глист.
Кирпичи – на тайну мироздания.
Бабье лето – чистый интернет.
Мысль поэта – солнца светозарней.
Звон его созвучий – что монет.
Может, скажешь: все сужденья ложны?
И никто ни с кем из них не схож?..
Я отвечу: видит *так* художник –
слова (на художника похож).

2001

В лирике поэзии ничуть не больше,
чем рисовки. А фальши – и больше, и чаще.
То есть, изобразить себя – собой же,
но – экзальтированным и вопящим...

Недоумеваю, наблюдая ваши игры.
Икру удивленья мечу окрест.
Мы ведь похожи: вонзаясь в нас, иглы,
исторгнут идентичные писк и треск.

Девушки! Мы же чувства схожие холим!
Мужчины! Разве розно мы видим дам!
И первый же *блин* одинаковым комом
по нашим прокатится сковородам...

Почему же вы такие другие?
Лирика, религия, там, НЛО,
пение хором, филателия,
футбол, физкультура, «добро», «зло»?..

Ведь истина-то не на этих тропках,
а – даёт максимальный кайф
составление из льдинок *разнокоротких* –
слов, как мальчик – помните? – Кай...

Вот и я: лебединую под фанеру
впаривая арию вам во рты,
салютую затоваренным пионером
Снежной Королеве моей мечты.

2003

Литература сквозь века
несёт всё выше идеалы.
Пусть литераторов немало,
но как же без Воловика!
Посостязаться бы за нимб
постмодерниста! Стать, к примеру,
звездой «Авторника», «Премьеры»,
чтоб обо мне писал Кузьмин,
чтоб, лжекумиров ввергнув в прах,
все **МНОЮ** были бы довольны,
и чтоб Кукулин в *Text'a Only*
меня печатал номерах...
О как бы всех я презирал,
кто б допустил огреха слабость!..
Мечты, мечты... Где ваша сладость!..
Мне Голос был. И он сказал:
«Остынь. Постмодернизма приз
не твой. Тебе авангардистом
не быть (и – графом Монтекристом).
Ты не *горнист*, и тём гордись.
Ты – под Полтавой битый швед.
Победы – хрен тебе – литавры.
Твои – лишь *бытовые* лавры:
листок – во щи. А щи – в обед –
хоть шкуру Павловой напяль
на голосок свой *нехрипатый*...
Да ты писать не станешь матом,
а мат – важнейшая деталь.
Ты зайчик, а не серый волк,
и от полочки до полочки
строчи смешные безделушки.»
Тут Голос вежливо умолк.

2003

HARD & SOFT

Тетрадь – мой *HARD*. А лирика – мой *SOFT*.
Периферия вывода и ввода –
мой транспорт (колыбель моих стихов).
Vivat трамвай! Метро – достойно оды.

По рёбрышкам ступенек сделав *па*
и чуть не загремев по ним при этом,
я *рассмеялся*, даже не упав,
и вот пою вам – внутренним фальцетом.

Я ликом сер и рыхлым калом бур.
Бросаю тень и травы приминаю.
Отточенный калёный каламбур
мне (вместо лиры) передал Минаев.

С тяжёлой миной на лихом лице,
с тяжёлой лирой мэтра Владислава
и не закончив Пушкинский лицей,
я – *тронулся* за предпосмертной славой.

За шагом шаг, как будто годовал,
я продвигался в сторону финала.
То правда прозревал, то блефовал...
А время – шло. Его осталось мало.

Но диалог себя с самим собой
стал скучен вдруг и реплики неловки...
В чём дело-то? В аппаратуре сбой?
Клопы проснулись в области рифмовки?..

А может, надо было сквозь «нельзя»
переть, как трактор, не топчась в передней...
Или – неверно выбрана *стезя*?
И надо было заниматься греблей?..

Я грёб и грёб бы, вспенивая муть
у кромки *П. Великого* ботфорта.
Глядишь, и взял бы приз какой-нибудь...
Но поздно, в прошлом всё... Какого чёрта!..

За то, что предал молодости стать,
гореть в одной из адских мне жаровен...
Что ж я молчу? Мне нечего сказать?
Нет, просто скромн я: немногословен.

И молча, не сказав ни *ах*, ни *ох*,
покаламбурю, как бы *вне игры* я,
пока мой *HARD* и (что обидней) *SOFT*
свезёт подзёмка – на *периферию*.

2003

Все цапки – к чёрту. Сослагатель од,
ваятель свиста, бугорок в степи...
Войти в четвёрку. Через Главный вход.
И развалиться в креслах V.I.P.
Махнуть небрежно, как наследный князь,
и ждать, умерив нетерпенья зуд,
пока прилежный графоман, склонясь,
несёт фужер... Нет, *нэктару* сосуд!..

Мечты – пусты. Ползут за типом тип
(кто – не скажу) – залезть на пьедестал:
марать листы и шашни закрутить
с моею музой. Лапают кристалл
магический... Но в лазерную щель
взгляд из-под век метну, смакуя тень,
хоть не в чести и вне дворцов-пещер
(такой *проект Платона* – набекрень).

А там, где жизнь пройдётсЯ колесом
а может, гусеницей проползёт –
не так пушист, как зычен и весòм,
с простым «агу» – возникнет без забот
и – ну наглеть – герой мой, прост, как знак,
и *шасть* в кабац, стихом не увлечён...
Он не Гамлёт. Он будет твёрдо знать,
что – быть. И – как. А главное – почём.

2003

СЛОВО ЗА СЛОВО

Качается кончик невидимой нити.
Сюда семените – не дичь ли несут?..
Но нет, не судите, Пожалуйста! *Bitte!*
Смотрите! Свободен, как в диком лесу,
властям неподвластен, как лунное блюдо,
как ГИБДДшник – слегка вороват,
над всеми, кто мчится туда и оттуда,
глумится трёх колеров триумвират.

На суд светофора подходит автобус.
Он очень не молод и, кстати, рогат.
В углу его розовом теплится образ
водителя. Метит в троллейбусы, гад,
идущие боком к зелёному змию,
воткнуть незатейливый свой *палимпсест*.
Кондуктора Настю, а может быть, Лию,
ладони его возмутительный жест,
крутящий баранку изогнутый палец –
смущают, и ёрзает тазом она
по кафельной ванне, и мыло, плескаясь,
иссякло... Но стирка возобновлена,
и строчки настрочена квота дневная,
и сыплются литеры с красной строки...
Невидимый кончик, *резвясь и играя*
с тем, первым, увяжет свои узелки.
2001

СБИВАНИЕ СОСУЛЕК

Спутав даты февраля и марта,
гляну в безнадежное окно.
Ледяная выставка поп-арта.
Вернисаж. И всё застыло. Но –
Кто тепла неведомый спаситель,
Супротивник снегу и пурге?
Это он – отважный небожитель
реет на оранжевой ноге.
Посреди сосуллек леденящих
ждёт его смертельная дуэль,
и рискуя, что сыграет в ящик,
он собьёт застывшую капель.
Он – герой, и будет, сам не зная,
этим описанием знаменит.
Он тебе за маленького Кая,
тётка ледяная, отомстит.
Он ещё поборется с природой,
ледорубом тоненьким своим.
А вокруг лишь небо да свобода.
Я – не с ним. Но я *душою* – с ним.
Если мне бы выпала судьбина –
позабыть *магический кристалл*
и крушить бы лёд – то я бы мимо
этих строк и прочих просвистал.

Как коммунистический ударник,
как высокородный суверен –
мимо бы красот гуманитарных,
мимо политических арен,
мимо деда в стареньком треухе,
ямбом поверяющего шаг,
с ватками, фильтрующими звуки
музыки в простуженных ушах...
Но – к окну приклеен, как к экрану –
я туда не полечу в полёт,
где похмельный дворник с автокрана
ржавым ломом скалывает лёд.
1999

КАК – ПРАВИЛЬНО?

Посвящается радиостанции «Эхо Москвы»

Мальчик Жан позвонил на французское радио – папа Жана – *клошар*: он у нас был бы *бóмжем* – и сказал: «Извините меня, бога ради, но – я не знаю, где ставить *аксан* в слове *бóнжур*...»

Компетентная дама *гарсону* ответила, что вопрос непростой, отражает заботу о родном языке и что завтра же к вечеру пневмопочтой получит он оттиск работы по лингвистике, то есть по *языкознанию*, из которой поймёт *сын клошара*, *в натуре*, что пора – при таком как у *них* состоянии – позабыть и о *бóнжуре*, и о *бонжуре*.

Мальчик Жан посопел в микрофонные дырочки – жаль его! Сочиняю и вместе реву я – он мобильником *крякнул* – *гаишники* *у́наче* оштрафуют – и тихо *шепнул*: «*Ореву́ер*»...

2000

Ротонда пышная! Изысканный *Максим!*
Не зная ваших недр, не воспитаешь вкуса.
О соус *бурдоннэ*, *жюльен* с полусухим
Шато де Вилль!.. О негр, похожий на Иисуса,
макающий, смеясь, в полупрозрачный гель
в хрустящем золоте витую *тарталетку*...
о волны декольте, щемящая *Шанель*,
о – в горном хрустале цветов мохнатых ветка...

Виденье из других краёв, времён и цен:
безудержный цыган отплясывает в *Яре*,
и потных чаевых положенный процент
сам заползёт в карман, копь *половой* в ударе.
Зубастость осетра не вяжется со злом
(как гений)...

О, играй, свет, с хрусталями в прятки.
О алая икра! Божественный *залом*...
О чуткий расстегай на розовой подкладке...

Или – пельменная... О уксусный настой!
О «*Жигулёвское*» с наклейкой по лекалу...
(Воспоминаний мёд, горчащий и густой..
Ещё чуть-чуть и в нём тарелка бы летала...)
Или – *люля-кебаб*: ну что пред ним *хот-дог!*
Козьявка в пухлом, символчик Америк...
Я в сквере дожужу с капустой пирожок.
И брюки подтяну. И молнию проверю.

2000

МЫ ЕДЕМ, ЕДЕМ, ЕДЕМ

Едут мысли, поцелуи,
наставления и боли
едут юноши, пируя
под парами алкоголя.
Едут барышни с глазами,
нарисованными ярко.
Едут маленькие с мамой
и мечтами о подарке.
Едут зависть, удивленье,
доказательство и имидж.
Едут локти и колени,
едут отчество и имя.
Едет бож, мочою пахнет,
и больной, шарфом замотан.
Еду я с тяжёлой папкой,
авторучкой и блокнотом.
2000

ДЕЛЕНИЕ

Микроб сказал: делиться надо! –
своей микробихе законной, –
ведь дети – старости отрада
и оправдание судьбы.
Она ему: в деленье – сила.
Хоть нас и много миллионов,
но мы с тобой – одна бацилла,
и – кто же, ежели не мы!

Ах, сколько сил отнимут дети!.. –
бактерии переживали.
Они писали Спирохете
(а он микробам всем отец),
чтоб разрешить им умноженье,
и разрешенье им прислали –
посредством именно деленья
плодить потомство, наконец.

И вот, как повелось веками,
был миг деленья скор и сладок.
Они сошлись: вода и камень,
гелиотроп и купорос.
Семья жила и шевелилась,
но неожиданно в остаток
болезнетворный выпал вирус,
который вскорости подрос.

Он захватил уже полмира:
Москву, Антверпен и Шпицберген,
ему поют гармонь и лира,
и Солнце светит для него.
Не так ли мы, большие люди,
пытаясь Истину низвергнуть,
сидим на ней, как на верблюде,
не замечая ничего?..

2000

*Какое топ, таков и прихлоп
Владимир Герцик*

Я жрец жратвы, питон питанья.
Переступил порог порока.
Я пекарь пекла, пир пираньи.
Кино кинолог. *Рака* рока.

Я чадо чада городского.
Я, может, инок да иначе.
Я меч: *мочить* и мучить скован.
Я парка парка, дуче дачи.

Я кукарача в кукурузе
Кол колокола. Топ в прихлопе.
шут парашюта, пузо музы.
Пророк с прорехою на попе.

Я чукчи чучело чумное,
еврей Европы, финка финна.
Вины сугубое вино я
и донна Анна, что невинна.

Я барракуда баррикады
Я *пра*на крана, честь числа я.
Я – истукан у эстакады,
башибузук Бахчисарая.

Я счётчик щёчек щекотливых,
попсовых попок попечитель.
Я послевкусье после сливы.
Душ торопливый потрошитель.

2002

МОЁ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Моё «КУПАНЬЕ КРАСНОГО КОНЯ».
Моя вДали «ГОРЯЩАЯ ЖИРАФА».
Мой «МЕДНЫЙ ВСАДНИК», медного уняв
лихого скакуна, чей вздорен нрав,
зрит *медным* взглядом (для внушенья страха).
И спят мои, натужась, «БУРЛАКИ
НА ВОЛГЕ» – на ходу, но сбросив скорость.
Мои «КУРИЛЬЩИКИ», а может, «ИГРОКИ»,
понурысь, как и те, что у реки,
храпят, клубясь, в густой траве по пояс.
И в адрес жён их, крашенных красуль,
моя «ДЖОКОНДА» хмыкнет плотядно...
«НАД ОМУТОМ» моим сверкнёт лазурь,
и сколько, мой «ПРОРОК», глаза ни щурь –
на мне не отыскать порока пятна.
Но близится ко мне мой «ЦАРЬ ИВАН...»,
как к сыну, но значительно скорее.
Бегу в античность, но и там изъян,
и на меня, как на козу – *баян*,
мой валится «ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ»...
О, мой «ЛАОКООН»... Я сжат кольцом,
удаду в зоб протиснут массой вязкой...
Ещё момент – и жизнь пройдёт, *как сон*.
Он выплюнет завязку от кальсон,
и вот: стихотворению – развязка!
2002

ЯБЛОКИ

(безделушка)

Все люди равны и похожи,
и истинно (чтоб я усох!) –
различны лишь кожи да рожи,
да формы носов и усов.

И жаль, что различен обычай
у разных народов и стран,
что говор их разноязычен –
не правда ли, сэр *Джонатан*?

Хоть каждый и всякий свободен
слова изрыгать изо ртов –
Антонов, Шафранов и *Гольдин*
рвут яблоки разных сортов.

Кто палочкой ест, кто с тарелки,
кто в сари одет, кто в мохер...
С галушками пан *Семеренко*...
С сосисками – *Штрейфель*, майн Херр...

И я вам скажу без утайки:
меня не заставят враги,
чтоб жрал, извиняюсь, *китайку*,
а *крымского*, мол, не моги!

А ты предложи, тамада, мне
(себе перед этим налив),
не красного, будто бы даме...
Нет! Мне только *белый налив*!..

И вот уже слышится, будто
ору я, хоть вовсе не пьян:
– Как классно, что множество *фруктов*
у разных народов и стран!

2003

АЛЕКСАНДР

*Александр сказал сурово
Света Литвак*

Александр сказал сурово.

Александры *это* могут.
Их примерная жестокость
переходит все страницы.

Александр вистует *клёво*.
Александр мечтает много.
Александр покажет фокус
и на небо заглядится.

Александр берёт: вершину,
взятку, даму (на колени).
Александр торгует оптом
и снуёт по интернету.

Александр лобзает сына.
Александр взымает пени.
Принимает: залпом стопку
и – за чистую монету.

Александр бежит погони.
Александр разносит вирус
(то компьютерный, то штатский;
то на диске, то – целуя).

Александр сидит на зоне,
умножает плюс на минус,
изрыгает *огнь* из пасти
и нацеливает пулю.

Александр – ужасный воин,
клоун, бард, поэт и график.
Александр – *коронносец*.
Он певец и пролетарий.

Александр несётся с воем
на слонах и на жирафах
Александр любит нонсенс
и снимается с гитарой.

Александр – огнепоклонник,
чемпион собачьей вязки.

Александр – любитель пива.

Александр – ценитель слова.

Александр – герой-любовник,
Рыцарь Ордена Подвязки.

**– Дайте мне аперитива! –
Александр сказал сурово.**

2003

ПОДУМАЕШЬ, БИНОМ НЬЮТОНА!

Взгляд обольстительной кретинки
светился, как ацетилен
А.А.Блок

Ищу сюжет, не глядя на реальность.
Что – жизнь? – Игры в мозаику расклад.
А прикуп многократно огорчал нас.
Не глядя, я швырну его назад.
Вот, например, с Ордынки на Тверскую
идя... зачем?... Ну, скажем, за вином,
я встретил бабу страшную такую,
что позабыл, как разложить бином.
Она несла цыплёнка расчленёнку:
пакет прозрачный был красноречив.
В её мозгу уже кипел бульон, как
в моём – бурлит из букв речитатив.
Мы встретились, как трое те у Блока:
ацетилен, матрос и керосин,
но только, в соответствии с эпохой,
был я – (необольстительный) кретин.
Чеканя шаг и ПДД наруша,
она была, как видно, ценный кадр.
И ножки, именуемые *Буша*,
в пакете исполняли *danse macabre*.
У туалета платного кабины
она своей тряхнула стариной.
В испуге разлетелись воробьи на
другие крыши; кошки стороной
кабину обегали и, мяуча,
неслись, что называется, *стремглав*...
По небу грузно проносилась туча.
Собор стоял недвижим, многоглав.

Как устроен этот мир,
знают Гегель и Шекспир.
Знают Гоголь и Спиноза,
Шишкин, Пушкин, Барбаросса,
Бибель, Крупская, де Сад,
Сталин, сальен и усат,
шоумены и горнисты
(те, что больше всех *говнисты*)³
Крокодил, PLAYBOY, Вечёрка,
разных умников до чёрта,
Брахмапутра и Маршак.
Только я не знаю – как...
2000

³ *Вариант: шулера и замминистры*
49

РАННЯЯ ВЕСНА

Зима сплеховала, и в этом весна виновата.
Азарт бабуина – где флегма мурлыкала сонно.
Был собственник шара, а стал арендатор квадрата.
Но – вытатуировал номер её телефона...

Грачи токовали, шалили магнитные иглы.
Весны утюги пропекали до вылета лета.
Она затевала с прохожими шумные игры
с весёлой ноги, невзирая на многая лета.

А там, где рыдали прозрачные столбики с крыши,
Снегурочек лица унылые квасились тоже,
и в светлые дали взлетали – всё выше и выше –
крикливые птицы, на синих снаружи похожи.

2002

Я разменял августейшее утро,
в меру улыбчив и в меру глазаст,
велеречив что твоя Заратустра,
псевдомудёр ровно Экклезиаст.

Прóпита бóльшая часть состоянья
печени, почек и прочих частей.
Да и игра ведь не иносказанье,
что тут мудрить-то, я – старый кощей...

Г'ак наращу над нулём юбилея
(грек ли на игры мои поглядит!..)
Крюк ли на люстре, корвета ли рея
жизни банальной закроет кредит?..

Так у наивных худых антиподов
Кука филе вызывало спяну...
Да, я о чём?.. Иль Сусанина подвиг
манит меня прикорнуть под сосну
в дикой тайге аж за дачной уборной
с патриотической рифмой в руке
(«кассу» и «квасу», к примеру, в которой –
напоминание о Маршаке)?..

Или душа истекает из тела
(ей от которого польза ли? вред?..)??
Яблоко к Ньютону *оттяготело*...
Мытый из ванны сбежал Архимед,
вес обретя... Позывные пищали
по-попугайному мне «у-лю-лю!..»
Лишнее знание – источник печали –
личным невежеством лишь утолю.
2002

* * *

*А теперь – удивляйся!
Сима.*

Как, в сущности, удивительно – всё!..
Что жизнь – многомерна и разнообразна,
что вмиг пролетает её колесо
весь круг от соблазна и до маразма,
то то под себя подминая, то сё,
урча поучительно, но безотказно,
с эскортом восторга, любви и сарказма
свистя мимо девушек, тучек и сёл...
И всё-таки в этом всего необъя...
нет, не необъятней, а необъяснимей
не вещи и то, что случается с ними,
не скорость, вальсирует с коей Земля,
а – что *удивлённый* – не мёртвое имя,
что – есть он. А главное – что это я.
2000

Симе

– Смотри, это Божия Матерь, –
сказала, весёлая, мне.
Тут серая тучка некстати
затмила сиянье в окне.

И мне показалось: не сдвинуть
ни ветру её, ни дождю...
Но я, извиняюсь, сангвиник
и редко подолгу грущу.

А ты не заметила тени
некстати померкшего дня
и радостно: – Стихотворенье, –
воскликнула – есть у меня!

– А где же оно? – говорю я.
И ты показала на грудь
(где сердце). Как на обалдуя
взглянула, сказала – Вот тут.

И правильно так показала,
что радость проснулась во мне,
и горечи колкое жало
затихло на миг в глубине.

1999

10 КРАТКИХ БИОГРАФИЙ

Девочка Маша катается с горки.
Мальчик Илюша копейку нашёл.
Лена скользит на банановой корке.
Митя песок переносит ковшом.
Вовочка дёргает Таню за косу.
Лёва игрушки хватает без спросу.
Катя танцует, Инесса поёт.
Зиночка с бабушкой в церковь идёт.

Маша у зеркала. С циркулем Дима.
Катя у стойки садится в шпагат.
Инне сольфеджио необходимо.
Ищет Илья за сараями клад.
Леночка в лифчике прячет шпиргалку.
Вовка за Танькой летит в раздевалку.
Лёва милицией взят на учёт.
Зина на память молитвы поёт.

Вовка гимнаст (и, естественно, Танька).
Дима – конструктор фотонных ракет.
Инна – в «*Ля Скала*». Илья служит в банке.
Катя в «*Большой*» поступила (в балет).
Лена в «*Плейбое*» и «*Дамском журнале*».
Лёвушка в зоне на лесоповале.
Маша – ведущая телепрограмм.
Зина – с утра собирается в Храм.

Вова с женой олимпийцы (по сальто).
Катя – звезда. *С чистой совестью* Лев.
Лучше Инессы нет в мире контральта.
с Машей – сравнить ли иных королев!
Замужем Лена за южным монархом.
Мальчик Илья стал крутым олигархом.
Димину грудь тяготят ордена.
Зиночка *кó-ленопрè-клоненá...*

2001

РАССЕИВАНИЕ В НИЧТО

Соответствует конец всякому началу.
Сменит солнечный разгул – сдержанность теней.
Раз отправленные в путь приплывут к причалу...
Тело тленно. А душа? Что-то будет с ней?..
Может быть, сорвётся в ад и пойдёт кругами,
или взреет в небеса – пребывать в *раях*...
Душу то ли подпалит, то ль согреет пламя.
Что же опалить ему, если тело – прах?!..
Нет, негоже жить душе в бестелесном небе.
Только в теле чьём-нибудь или – никогда.
Неужели ж я не прав? – Подтвердите, ребе...
Ну, вот видите: кивнул, это значит «да».
У переселенья душ, может, в том и сила,
что, минув рай и ад, урну или гроб,
только выдохнешь, и – глядь: ты уже бацилла.
Может, правда, человек. Или, скажем, клоп.
Чуть со свечкой на груди в пиджачке из ситца
очутился на столе, смертью удивлён,
а микроб твоей души уж пошёл делиться:
ты был Вася. а ему имя – Легион.
Значит, делится душа так же, как и мясо:
одному микробу честь – ум другому... Стоп!
Я же это проходил, чуть не в первом классе:
каждый вирус неисчер-

паем, как микроб.

Осознав такой *кунштюк*, выпьем пару пива:
где-то был копчёный лещ, жирный и большой...
Это ж прямо-таки жуть, просто энтропия –
так рассеяться в ничто – телом и душой!..

2002

А МУЗА РАЗУМА

А небо будущим беременно...

А Муза Разума зарезана. Перо
ей в мѳзги вмазано по самые жар-птички,
дабы не шкандыбала болеро
в давно и доверху набитой электричке.
За время отпуска на гамбургском счету
накоплено, точней, на обороте
его записано такое, что – черту
бы подвести под монастырские ворота,
где Дух сиял, пока цвела весна,
пока хватало денег и дышалки,
а после – Муза Разума одна
сама с собой полжизни дулась в салки,
и вот – надулась: мыльным пузырьѳм,
из-под пера сверкая радугой короткой,
следы которой в тот же вечер подотрѳм
с утра натруженною *гамбургскою щѳткой*.
2000

* * *

Г.П.К.

Г оловою я (не при дамах сказать) на Г
А в устах моих одна, извиняюсь, хвал А
Лепечу чего-то, выдавая за стих: наг Л
Я, пожалуй, по нотах спою тебе: ля-ля-л Я

Г оды, говорят, птицы, Галя, не верь.
А нгелы они просто, Галя, учти.
Л ето очередное, Галя: Октябрь □ Апрель
Я за твоё здоровье, Галя, прости...

Обозлясь, укажешь: вот порог □ вот Г.
бо
И с девятого вылечу, как стрел А
И башкою собственно в футбо Л
заиграю ногами всеми трем Я

17.10.2000.

ЖИЗНЬ

Бедняцкое детство: цемент и песок.
Экранное действо: то Смит, то Вессон.
Любимая, что же ты?.. – Прядь на висок.
Протяжная нота... Корнет-а-пистон?..
Волшебные будни у сладких колен.
Вербальные бури brutальных коллег.
Броженье. Бурленье. Схожденье на нет.
Созвездия неба. Планиды планет.
Мельканье раздолбанных вёсен и зим.
Очки. Валидол. Тазепам. Амнезин.
Видений мелькание. Вечности гимн.
Две даты на камне. И урна под ним.
2002

* * *

ЭТА Гофман, ЭТА Гофман!
Вы рисуете в тетради
рюмку с крылышками. Это
значит: Вы – навеселе.
Это значит: для забвенья,
вдохновенья, воспаренья,
ради звуков сладких пенья
был наполнен сей сосуд.
И таинственный Щелкунчик,
хохотунчик, кувыркунчик
изготовился зловещим
цыкнуть зубом трудовым.
И когда младая Юльхен
затворится с мужем в спальне
и игрушечный солдатик
честь условную отдаст,
из тетрадки вынет Гофман
псевдогреческую наблу⁴
(ключ от кода) – рюмка звякнет,
крылья в небо понесут.

1999

⁴ Набла (∇) – математический символ,
«оператор Гамильтона»: [$\nabla=(\partial/\partial x, \partial/\partial y, \partial/\partial z)$]

* * *

Хоть Толстого читай, хоть Гегеля –
всё едино, сплошной бардак.
Знаем вашего брата (Авеля),
Пренебрегшего сеять знак.

Плод познания набил оскомину.
Век учился, а всё дурак..
Дурят нашего брата (Каина),
всё скрывают, чего и как.
2002

* * *

...и почти не пахнет тленом
Лариса Миллер

Там, где Герцен с Огарёвым
присягали на любовь
(а потом один другому
уступил свою жену),
там теперь *брачуют* пары
(ритуал у них таков)
и в житейские бросают
волны (камушком ко дну).

А на дне житейском этом
не кладбище – там уют.
Тот, отвергнутый Поэтом
(то же самое – покой).
Там, в игрушечной Вселенной
годы сладкие плывут,
и почти не пахнет тленом
(тоже сказано не мной).

1998

* * *

Серебряное время. Слом эпох.
Чёртолюбивый Ремизов. Бухой Блок.
Мужелюбивый Дягилев, то ж Кузмин.
Помаргиванье дьявола. Парад зим.
Русские сезоны. Валет бубён.
В черте оседлой зоны – пух, звон...
Сологубу, Брюсову – чёрт не Брут.
А впереди-то – пусто: чёрн квадрат.
2002

* * *

Оскар Уайльд и Ерофеев Веня
любили парадоксы как эстеты.
А я, простой, как самый русский Ваня,
офорты обожаю и эстампы.
Ботфорты – не люблю, причём не в пику
Великому Петру и Карлу шведов,
а что они по всей стране советов
(полезных) над болотами опеку
повально учредили. А болота
я уважаю – за хвощи, за клюкву,
за топкость, наконец, и за балеты
в них комаров (их песни тоже клёвы...)
Короче, в пику Вене и Оскару,
я парадоксы полюблю не скоро.
2002

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Что – Пушкин! И Онегину
(а он совсем уж *лишний* был)
а заодно Печорину
(*pardon, monsieur, merci...*)
почти что нужды не было
(не закидают вишеньем!)
продукт клиенту впаривать
вольготно на Руси.

Или, к примеру, Хлебников,
Гуро Елена, девушка,
и Северянин истовый
(*поззами* (ж)урча) –
кусали ли решебников
ржаное жито-хлебушко?
Легли ль под коммунистами
в Заветах Ильича!

Они – Печорин с Пушкиным
и Бенедиктов с Гоголем,
Гуро, а также Хлебников
(и Маяковский тож)
весёлыми хлопушками
всё хлопотали с хохотом,
угрозыска нахлебников
встречали, гнусных рож.

Горят огни маркетинга,
дымя приватизацией,
Москва вздымает башенки,
точь в точь карандаши.
От лизинга до петинга
делиться надо (нацело),
иначе вломят *вашенским*
по первое *пиши*.

Конечно, мы не Бебели
(т.е. я, любитель Бабеля,
и ты, истец Сорокина,
и Бродского фанат),
но разве нас для мебели
на этот пост поставили
и, ограничив сроками,
сказали: “Виноват!”

Нет! Нам велело *опчество* –
блюдите, мол, поэзию
и ей, как лыко всякое,
как всякий (пятый) пункт –
по имени и отчеству
за каждую оказию!..
Не смей клиенту впаривать
*Неякісний*⁵ продукт!

27.08.02

⁵ *недоброкачественный* (укр.)

ЗАВИСТЬ К ФАНДОРИНУ⁶

Проезжая по прекрасному городу Киеву, я заметил, что и там, как в Москве, в транспорте народ всюду читает Б. Акунина. К которому я не имею никаких претензий. Одну только зависть. Белую

Надкусывая помидорину
в трамвае на одной ноге,
как я завидую Фандорину,
что он любимец СНГ!

Бреду пешком из экономии,
людям неведомый поэт,
а мне навстречу незнакомые,
для них меня как будто нет...

С честными гражданами этими
плечом к плечу в одном ряду,
с бухгалтерами и поэтами,
и с секретаршами иду.

И весь единою обидою
ряд *некалашный* этот полн,
и все Фандорину завидуют –
завидующих целый сонм...

И с прямотой сомнанбулической
вдоль улиц будничных *тебя*,
мы в устрашающем количестве,
Фандорин, гад, найдём тебя!

Народ ни за угол, ни в сторону
тебе уйти никак не даст,
и будет праведной и скорою
расправа над тобой, Эраст.

2002 (Киев – Москва)

⁶ Фандорин – персонаж ряда романов Б.Акунина

* * *

Строчу привычно, весь блокнот исчеркал,
вдруг слышу: кто-то дышит за спиной.
Я думал – *так*. А это встреча с чёртом,
ведь то был он, не кто-нибудь иной.
Неймётся чёрту даже по субботам!
Что делать? Как – нечистого надуть?
Но – выходной, и хоть бы в небе кто-то,
кто истинный мне указал бы путь!
Не докричавшись бога и маммоны,
сам заору в отчаянье ему:
«Вы, чёрт, ребром ошиблись!..» – и в ладони
серебряную скрою седину.

Так от соблазна, словно от погони,
я убегу – и мудро, и хитро...
Но мерзкий бес провидит сквозь ладони
и знает, где ребро, где серебро.
2000

ПАРАД ПЛАНЕТ

Всё, вроде, кончено. Заделов больше нет.
Подобраны все рифмы (на помойке:
там – сор. Тот, из которого – стихи).
Окончен труд. Теперь я жду награды.
А через полчаса – *Парад Планет*.
Венера с Марсом с вечера по стойке
равнялись «Смирно!» (а она: «Хи-хи!
Не щекотись! А то уйду с парада!..)

Но Марс её в заложницы позвал
и – *заложил*: за воротник и галстук,
так что пришёл в волнение и экстаз
повеса, фат и донжуан Меркурий,
который, хоть и не любил овал,
но тут (в *экстазе*) рвался и метался,
и в этот *таз* слезами пролилась
гроза начала мая.

– Кто дежурный?

Убрать! – раздался страшный голос вдруг, –
парад и *это вот* – не совместимы!
Немедля прекратить! Из ряда – вонь!..
– Кто это, – я спросил, – Юпитер что ли?..
Ответа нет. Безмолвие вокруг.
Подумал: значит, вот, о чём грустили
со школьных лет обжившие амвон:
о Вечности...

И снова всё, как в школе:

глагольных рифм из порванной кошёл-
ки штук по восемь добывать (по будням)
в сачок блокнота (это – вид тенет),
частично рассыпая по дороге...
Парад, меж тем, уже произошёл.
Махал Сатурн своим цыганским бубном,
пока Юпитер, маршал средь планет,
скакал *пред них* на белом Козероге.
2000

СТРИПТИЗЁРКА

Стриптизёрка извивалась возле стройного шеста,
им на миг прикрывши малость интересные места,
этих мест телодвиженьем, отдалённых и не столь,
распала воображеньем и пьяня, как алкоголь.
На трепещущее тело свет струился с потолка.
А вокруг неё балдела и хихикала толпа.
– Ну, куда она годится, – голос внутренний спросил, –
с обнажённой ягодичей, в окруженье тёмных сил!..
Ноги босы, жёлты космы и открыта настезь грудь.
Не смутят её вопросы про её *бесславный* путь.
Верно, веские причины ввергли девушку во ад,
где бесстыжие мужчины источают аромат
неприкрытой страсти грубой, жвачки липкие жуя,
и раскатывают губы в направлении ея.
И мелькал округлый локоть в ожиданье круглых сумм...
Но её витал высоко в эмпиреях дальних ум.
Мысли разные играли в прятки, в салки, в буриме,
вычисляя интегралы в упомянутом уме.
Между прочим, этой дуре жизнь иное дать могла б,
ведь она в аспирантуре и почти уже завлаб.
Только всё ей надоело – *Эйлер, Винер и Биркгофф*⁷,
и она вращает телом, не используя мозгов.
2000

⁷ То, что названы именно и только математики, выдаёт, по-видимому, специальность героини стихотворения

* * *

Между экватором и полюсом,
а где точнее, не припомню я,
блондинка распустила волосы,
на платье расстегнула молнию,
сказала, видимо, счастливчику
«мур-мур», как ласковая кошечка,
стянула с плеч бретельки лифчика,
на кресло бросила, где кофточка.
Прошлась перед портьеркой шёлковой,
в окошко выглянула, голая...
Но тут тихонько что-то щёлкнуло,
и стала видимость фиговая.
2001

КОЗНИ АНГЕЛА

*И сам красавец царственный
Ахмет-Али-Паша
Воскликнул: «Вот так здрасьте!»
Когда она вошла
Александр Галич*

Устроившись в глубоком с подлокотником,
комфортом упиваясь и дыша,
соседей сперва я с подполковником,
но вздрогнул весь, *когда она вошла*.
Военный был *галант*: предупредителен.
Он подскочил, и вот она со мной.
Я верю: это Ангела-Хранителя
в мою поддержку выход козырной.
Цвет глаз не разобрал, какой-то смешанный,
разглядывать мне было не с руки.
Я только ощутил коленом нежные
колготки (или, может быть, чулки?)
Что ей сказать? Пожалуй, что-то пошрое:
«Как Вам погода?» «Как тебя зовут?»
Или *«Пойдём к тебе...»* – и страстной кошкою
прильнёт ко мне для сладостных минут...
Двухсотпятидесятишести-цветочной радугой
она цвела и пахла, как цветок.
Я думал: вот, сейчас, решайся! Надо бы...
Но робок я и рта раскрыть не смог.
Две остановки, видно, для приличия,
проёрзала и, поблагоухав,
к поручику налоговой полиции
порхнула... Скромн вид, а взор лукав...
На место, тёплое ещё, незамедлительно
алкаш пахучий рухнул тяжёло.
– *Ну, ты даёшь!* – я Ангелу-Хранителю
шепнул и уронил моё *стило*.

2003

РОМАНТИКА

Я раньше думал, что романтика –
взор, устремлённый в небеса,
сражение с барсом (ну, хоть с Барсиком!),
глядение глаза в глаза.
Там, шёпот, робкое дыхание...
О теле – мысль запрещена...
Бессонница, недоедание...
Короче, *вер-те-ров-щи-на*.
А оказалось, что романтика –
касание груди и плеч,
развязывание разных бантиков,
объятия перед тем, как лечь.
Освобождение от одежды и –
дыхание – жарко, шёпот – хрипл...
Поглаживание плоти нежное...
Слияние. Содрогание. Всклип...
Романтики зверино логово,
я вам замечу, антр ну.
Её пиаровские слоганы
сам для себя упомяну:

**ОСТАВИМ ВЕРТЕРАМ ЗАСТЕНЧИВОСТЬ!
ТУТ НАДО СМЕЛЫМ БЫТЬ И ЛЕЗТЬ!..**

Я думал: романтичны женщины.
А оказалось – так и есть!

2003

ОТРЫВОК

*Есть упоение в бою
Пушкин*

Есть упоенье в невезенье,
когда одно влечёт другое.
Охота тяпнуть чарку зелья –
не для веселья, а – напротив.
В окне напротив кто-то ходит,
роняет вещи с перепою,
уныло роется в комоды
и девичью теряет честь.

Но эту честь находит кто-то,
не *эта* Кто-то, а другая.
Она трезва и на работу
летит, скользя на повороте.
Её спасает незнакомый
и, трафик утренний ругая,
с неё снимает насекомых
и в свой *фольксваген* просит сесть.

Она, стесняясь, отдаётся
его внезапному порыву.
Ей ничего не остаётся,
как на мужчину положиться.
Он опытен: его повадки
солидны, но не заунывны.
От бицепсов на брюках складки.
Очки предполагают ум.

Они знакомятся поближе.
Она приехала из Риги.
Там было классно, как в Париже,
латышкой только бы родиться,
тогда в Измайлово бы это
ни за какие бы ковриги...
...Она у одного поэта
про *времени* читала шум...

Обое, кажется, культурны,
и в лёгком воздухе коньячном
витают дух литературы –
поэзии и, постмодерна.
На всё – от музыки до джинсов –
почти что глядя однозначно,
они знакомы как полжизни.
Он ей почти уже *бойфренд*.

Она Кибирова читает
почти что наизусть, попрыгав,
смешною чёлкою махая
от возбуждения, наверно.
Он слушает благоговейно...
Ему, пожалуй, ближе Пригов.
Он любит также Рубинштейна,
и ничего, что тот еврей.

Они из кинопанорамы
выходят в ясный вечер мая,
сочувствуя роскошной даме
(Ким Бессинджер, и Бельмондо с ней),
с приятнью к главному герою,
друг дружку за руки хватая,
они, увлечены игрою,
в её Гольяново идут.

От их шагов немонотонных
сбегают с тонущих помоек
собаки, крысы, и вороны,
но попугай, как бы подослан,
вдруг ухает, и башни страха
возводит разум-параноик:
там, впереди, маньяк опасный,
там хулиганы водку пьют...

2003

АДАМ И ЕВА

Мальчик любит механизмы, например, автомобили.
Или, скажем, дирижабли, арифмометры, безмен.
А девчонка – мех куницы и купальники *бикини*,
шоколад, *Джакузи*, вафли и цветочки «цикламен».

Мальчик с девочкой друг друга любят крепко, бескорыстно,
нежно, пламенно и чисто – сорок тысяч братьев как.
У Адама мать стряпуха, папа Евы замминистра,
и они равны почти что в отношении прав и благ.

С папой мальчика гутарят незатейливые гости:
дядя Федя, дядя Слава, и поёт Бюль-Бюль Оглы.
Мама Евы балом правит, произносит звонко тосты.
и включают Окуджаву полномочные послы.

А в саду, под смоковницей, происходит объясненье.
Мальчик мамочке девицы сообщает важный факт:
– Понимаете ли, *это* было тут вот, за сараем...
То есть, я готов жениться, раз уж вышло как-то так...

Гаснет лампочка Чубайса, нашатырь несут к сараю.
Предки Евы в лёгком шоке, мать в слезах, отец скорбит...
– *Ты давай не залупайся, или щас накостыляю*, –
Николай Иванович, шофёр, вдруг Адаму говорит.

А одна чумная тётка из соседнего аула,
балаболка и кокетка, шеф бригады кастелянш,
приглашённая на сходку, вдруг подружкам сказала
непонятное словечко, что-то вроде «межальянц».

– Да, фамилия мудрёна, заграничная, должно быть, –
ей ответила Матрёна тридцати неполных лет.
– Тут всю жизнь до пенсионера надорвёшь здоровье гробить! –
в разговор ввязался Лёня, работяга и брюнет.

Вдруг из дома вылетает депутат районной Думы,
а за ним его помощник, волосатый психопат,
и устраивают танец перед группой угрюмой,
и, как будто бы нарочно, всё икают невпопад.

Папа нервничает, тенью в голове темнеют мысли:
«Только нам и не хватает, что кухаркиных детей!»
(Но по мере рассужденья он всё ближе к компромиссу,
по порядку отсекая возраженья всех мастей.)

«Он, наверное, корыстный, подбирается к машине,
он же любит это дело, нам все уши прожужжал, –
размышляет замминистра в современном мезонине. –
Евка дура *залетела*, словно ласточка в подвал!»

В отдаленье шум вокзала, майский день, почти что летний...
Сизокрылую голубку топчет турман ухажёр...
Вот и Ева пробежала – ничего и не заметно...
«Может, это просто шутка?» – Папа прямо поражён...

«Не при чём тут этот чудик. Тут какой-то шахер-махер!..
Гнать!..» Но тут же отвергает соблазнительную мысль:
– Бракосочетанье – будет. Ты был шофёр? – Будешь шафер!
Ровно в полдень четверга. Мать, перестань рыдать, уймись!

Утирает мама глазки, видимо, переживает,
сам папаша руководство в руки цепкие берёт:
прикупить чуть-чуть припасов добровольцев посылает –
коньячку, винца и водки, ананасов, пива, шпрот...

И невеста, подплывая, как какая-нибудь лебедь,
в высочайшего пошиба индпошива ателье,
два-три ватных одеяла (сны приватные лелеять)
получает; плюс на выбор: абажур или колье.

Взять – фату, колечки-брошки, платье белое льняное,
для подушек тонну пуха – жаждет жадный Гименей.
Дом кренится и клокочет, как ковчег известный Ноя.
Та, которая стряпуха, стала всех теперь главней.

Квасит красную капусту, рубит мясо дорогое.
А четверг вот-вот настанет за текущую средой!..

**Я, возможно, сочиню
стихотворение другое,
там и будет описание ихней
жизни молодой.**

2003

* * *

По новой линии метро я еду до Арбата.
Метёт поганю метлой кончающийся век.
Я ездил в эти же места другим путём когда-то...
Да и вся жизнь была не та – ещё до *смены вех*.
До смены вех крутил трамвай колёса за копейки.
Зрел коммунизма каравай – сам пах и сам светил.
Всё было рядом, впереди, на следующей ступеньке.
Знай только, рулевой, веди по атласу светил.
Арбат, чего же ты горбат? Ну выпрямись обратно!..
Ноябрь, наяривай, как март, любовный вой котов...
Я буду дуться в буриме на деньги и бесплатно,
рябое солнце в сером дне высматривать готов.
Увы, по строчкам семянят на цыпочках огрехи.
И всё не так, и всё не то, и смех, и, как бы грех...
А вехи надобно менять, они ветшают, вехи.
И упаси нас, Хоть-Бы-Кто, от этих ветхих вех.

1998

НА РАБОТУ

До вечера, ночь!
Полвосьмому на зуб подари меня.
Чтоб в вагоне унылом утреннем
я справил начало дня.
В тёмных очках писательница Маринина,
многоликая, будет пялиться на меня.
Перегар гегемона бывшего
(с похмельного шкалика)
намекнёт, что "Кристалл" – и тот без акциза яд.
С натугой, но с пользой,
как гусеницы в толще яблока,
нездешние нищие деревянным рублём прогремят.
Раздробит эскалатор кислородное пение.
Сам собою отравлен,
прогорклый, сблюёт баян...
Грустно, казалось бы?..
– Да нет, хорошо тем не менее.
А то, о чём шла речь выше –
всего лишь досадный изъян.
Что же конкретно хорошего?
– А Мироздание:
разные кустики, листики,
из бумажных листков тетрадь...
Да взять хоть бы солнышко –
до *финиша* не перестану я
радоваться ему, греться,
и – если получится – воспевать.
Так что – стоит ли отвлекаться на разные ужасы –
на политику, финансовые дела и вообще...
Я никому не завидую:
я тоже *Маринин*, в сущности.
Но не родственник:
моё – соседнее поприще.

1999

ВОНЮЧИЕ МАЛЬЧИКИ

Сегодня в метро, верно, Мальчиков Спящих день
в вагонах коричневой линии кольцевой.
Они вырастают из тех синюшных детей,
которых несли по вагонам вниз головой.

Которых мотало, прикрученных за спиной,
спелёнутых тряпкой – смеяться, моргать нельзя.
Бухая бомжиха им гнилостный запах свой
передавала, по рвотным лужам скользя.

Отдельно о запахе. Жирного калу кило
залить полстаканом выдержанной мочи,
приправить по вкусу потом, потом – в тепло
на сутки около батареи или печи.

Потом – ежедневно *орально* после еды
четырежды в день (надёжнее даже пять),
и будешь в награду за праведные труды,
как мальчики эти, качественно вонять...

Я, может, чудак, но на пробу беру чуток
и, ноздри зажав, как граф – узрев мужика –
вкушаю весомый, как Слово, первый глоток.
Глаза тяжелеют. Подташнивает слегка.

И вот я мотаюсь, смердящею плешью вниз,
ногами вперёд, демонстрируя атлас вен.
Ударь меня. Крикни: «А ну-ка, сука, проснись!» –
и я покачнусь, я рухну, смиренно нем,
и я покачусь, как плод – перезрев на суку,
и вот: перемена мира – одним пинком.
Пацан-перестарок – я всё никак не секу,
что там, из дыры летит и гудит – по ком.

2001

Москва! Пречистенка, Арбат!..
Гулять. Смотреть. И помнить – где,
пока фашистский “*коловорот*”
ещё не взмыл над БКД.
Не отвлекаться от *смотрин*,
покамест зрячий и живой.
Квадраты *целые* витрин.
Цветной бульвар – ещё *Цветной*...
Ещё не засран БЗК
и вождь не зыркает, усат.
Ещё трепещущих *зека*
не волокут в Нескучный сад.
Ещё вольна картавить голь,
и площадь главная чиста:
ещё поганую *глаголь*⁸
не вывел злой полуустан –
в ретортах смены бытия –
с когортой новеньких Малют.
Ещё гуляю лично я,
кругами двигаясь к нулю.
Пока меня не замели,
я крикну, боли не тая:
– О красно-белые Фили!
– Сокольники! Любовь моя!..
Москва! Как в капле отложись
в ячейках памяти кривой!..
О удивительная жизнь,
сама не схожая с собой...
2000

⁸ Одно из значений слова «*глаголь*» – виселица

ПАМЯТИ Г. В. САПГИРА

Поэт ушёл.

Сонеты на рубашках
печальными качают рукавами,
и камушки *разрушенного фриза*
мостят ему дорогу до креста.

Да, до креста...

В предпраздничном Париже
(который безусловно стоит *мессы*)
крещённый почему-то Николаем,
не избежит уж *Парадиза* он.

Улыбчивый ему протянет руку
посланец белокрылый и слащавый
и увлечёт на *горнии* вершины
для чтения, не слышного для нас.

Он тоже станет ангелом, конечно,
как посуху прошелестев по строфам,
взлетев от лианозовских помоек
в Москву, Париж и далее везде.

Там, вдалеке троллейбусного круга,
в иных *кругах*, для нас невероятных –
возникни вновь, рассыпанный Лошарик,
из капелек хрустальных – соберись!

1999

УЛЁТ МУЗЫ

Я в смятенье, в панике: улетела Муза.
Ах, камена старенькая, ты ж пропадёшь!
Хрен с ними, с сонетами, наелся их от пуза.
Надо догонять её, *хощь, не хощь!*..

Шапку на все пуговики, *на ноги перчатки*
(с классиков по буковке, глядишь – сюжет).
Ох, творить не хочется... В текстах опечатки...
Вылетела в форточку!.. Что за жест?..

Бабуленька, милая, не видали даму?
Ну, такая: крылья, веноч, ридикюль...
Шлейфом пыль сметает вместе со следами...
И ещё летает, легка, как тюль...

Говорит бабуля: «Да что ты, дядя!
Я тут караулю день-деньской.
Антересно дело сидеть, на вас глядя,
но я не углядела дамы никакой.

Я сама незнатная, папка был ассессор,
ну, ассенизатор – хрен разберёт...
А твоя знакомая летит ли – неизвестно.
Мне бы так: по-скорому – вж-ж-жик и – вперёд!..»

Рыщу по бульвару, Остоженке, Ленивке,
по заулкам малым (её пугает шум).
Зыркаю по окнам: может, по ошибке...
Помолчите, бабушка, я Музу ищу.

А она и правда всё чего-то шепчет,
и всё сжимает странный смешной ридикюль...
Веноч её выцвел, шлейф поблекший
хлопает, как выстрел, о шаткий стул.

Не она ли? – думаю... Вроде, по приметам
повторяет ту, мою... или – нет?..
Всё в тумане, к ужасу ищущих ответа:
Муза ли, не муза?.. Поэт?.. Не поэт?..

2002

СЕРЬ

Адский уголок.
Банка. Пауки.
Муху уволок.
Высосал с тоски.
 В окнах неба серь.
 Пыльное стекло.
 Дверь открылась. Сел.
 Еду. Повезло.

Мухи за окном
снежные: зима.
Солнце – серый ком.
Серые дома.
 В серого слона,
 хоботом дыша,
 переселена
 серая душа.

Серых облаков
серая стена.
Серая любовь.
Серая страна.

2001

БОЛЬШОЙ ГОРОД

Ах, какой грустный город на заре...
А. Блок

Фонарь света замирает, утренний.
Рябит в окнах, ибо стёкла кокнуты.
Ещё спишь ты, но уже напудрена.
Лежит рядом твой платочек скомканный.
Мечта реет, как баклан над яхтами:
заснуть дома, а проснуться на море...
А там солнце у руля, как вахтенный...
Подъём флага, как в пионерлагере...
Потом вышли на свою Дубровскую.
В момент уши, как прибор, зашакалило.
Другой выход заколочен досками.
Легко вынуть, но, лентясь, не стали мы.
Сидит кошка, а тиха, как мышь, она,
машин тени отразив в хрусталике.
Ору в голос – чтобы ты услышала:
– Большой город, а ревет, как маленький!..
2002

О, оторопь от разного прогресса,
бери меня за самое нутро!
Ведь даже защищать свободу прессы
митинговать я ездю на метро!
Не то в былые времена застоя,
когда с прогрессом полный был облом
и ничего на бра́ло за живое,
ну, разве, только девушки (с веслом).
Джин-тоника не знали – пили брагу.
Дом был не крепость, а скорей – окоп.
И мяли туалетную бумагу
с лицом вождей и передовиков.
На улицах ещё встречались кони,
хотя уже не грызли удила.
Хрущёв еще безумствовал. Но вскоре
пора другим безумствовать пришла...
Но, кроме *тех* других, ещё другие
плясали жизни праздничный балет.
И я там был. Пил пиво в выходные.
Ежевечерний делал туалет...
Строчил стишки, сей факт одновременно
скрывая; инженерил (был учён!)
И как-то на обрывке (*nota bene!*)
«Литературки», кажется, прочёл
призыв к литературной молодёжи
азам учиться прозы и стиха.

Катарсисом мороз прошёл по коже
(местами). Я решился и, слегка⁹
вспотев, уже в подъезде завершил⁹
обрывка упомянутого чтение:
– *Автобус мне! Автобус!...*

Вместе с тем я
ходил на службу и по мере сил
(увы, их вечно не хватает всем нам!..)
поддерживал двоякий интерес
к стишкам (и до сих пор он не исчез)
и к *двухзеркальным*, кажется, *антеннам...*
Теперь, когда давно уже в почтенном,
как говорится, возрасте живу
и не рифмую по сортирным стенам,
а нюхивал реально, наяву
свой текст, пропахший краской типографской
(офсетная печать не глубока...)
я возгордился гордостью дурацкой,
в которой так и плаваю пока.
2000

⁹ *Вариант этих двух строк:*

местами). Я решился и, с толчка
вскочив, гигиенично завершил

* * *

Всё кажется – время вертится,
и ты – на его оси
в любую ночь года, месяца –
что хочешь, то и проси!..
Казалось бы: та же улица,
тот же подъезд, этаж,
и тонус такой же умница,
и сила в ладонях та ж,
и в небо теми же красками
вмазаны облака,
и так же ласковы гласные,
и так же нежна рука...
Но всё больше дождя и холода
и всё меньше вёсен и лет.
Старость – такая молодость,
когда отвечают *нет*.
2000

* * *

Подобно мне, будь независима,
с трибуны пой, как на параде, –
вещала выпретенная Истина –
зачуханной кухонной Правде. –
Сенсаций громыхай салютами,
разоблачай – не забывая,
что ты, как небо – абсолютная,
и как ракета – боевая.
Забудь эмоций тягомотину:
ведь *жалостью* любовь чревата!..
И Правда слушала внимательно.
И улыбалась виновато.
2000

* * *

И думал я: а с кем я завтра выпью...
В.Высоцкий

Свобода, здравствуй! Наливаю чаю.
Работа, сгинь (с зарплатою своей)!
Как правда, прост, фантастику читаю
(у Бредбери опять же юбилей).
А там – химичат инопланетяне
и могут время повернуть назад.
Герой же обнаружит ключ от тайны,
и вот он дома, даже не рогат.
Ни серп, ни молот, и ни могодovid
не омрачат космические дни,
покуда робот мухи не раздавит
в экстазе виртуальной бегодни.
И тут – примат восстанет на примата
и мирный атом вскинёт арбалет,
и враз забудет пресиджитатор,
в какой подмышке прячется валет.
Услужливо развернется могила,
явив пласты нечернозёмных глин...
Но – пискнет пейджер. Заорёт *мобила*.
И – вот он я. Не запылится, *блин!*
Как сам – вернулся с будущих просторов.
Сбежал от звёзд, страшась узнать **ОТВЕТ...**
И мне осталось самое простое:
впечататься в вялотекущий век.
Припомнить назначение предметов,
язык пейзажей, умысел свобод...
Небесный свод в окошке фиолетов...
Понять, зачем вообще небесный свод!
На голубом экране жёлтый Путин.
Печенье в виде рыбок на столе.
Куда идём, и где мы завтра будем –
в дерьме? В фаворе?... Может быть, в земле?...

2000

ГОРКА СЛОВ

*Младенец кашку составляет
из маннхх зёрех голубых
Н.А. Заболоцкий*

Сидело чадо на заборе,
играло в буквы и слова.
Пред ним бурлило слово **море**
и слово высилось **Москва**.
От слова **капля** к слову **камень**
точило проводило путь
и огневными языками,
дразнила слова **пламя** суть.
Дитя невзрослыми перстами
брало то буковку, то две.
И вот их пять – **народом** стали
со словом **Рюрик** во главе...
И слово **мама** трепетало,
перетекало через **край**,
как будто букв в нём было мало
для агрессивного **Мамай**.
Но буквы, кувыркаясь вольно
в руках (до некоторых пор),
являли вслед за словом **войны** –
топор, и **ропот**, и – **отпор!**
И слово **Время**, то и дело
устав и смысл меняя свой,
при слове **Грозный** – то гремело
Опричниной, а то – **Чечней**...
Слова **руины** и **столица**
слились, и **бой** явил к **утру** –
без слова **уши** слово **лица**
и слово **ужас** в слове **труп**.

Сначала сжалось слово **жалость**,
потом расширилось, и в нём,
казалось, что-то отражалось,
сознание что ли с **бытием**...
Дитя же попросту игралось,
бросая литеры в песок,
и только старый мудрый **Гаусс**
исчислить горки профиль мог.

2000

Пять недель, и – окончание года
как условно взятого фрагмента
времени от произвольно взятой
точки, т.е. момента, скажем, t .

Впрочем, за абстракцией условной,
за моментом этим произвольным –
жизнь, что не имела прежде формы,
тряпочкой висела в подпространстве,
вся теперь тугая, как воздушный
шарик на расчисленных Эвклидом
тонких плоскостях прямоугольных,
в напряженье звонком пребывает.

Год идёт. Не фикция ли это?
Правда ли, что было то, что было?
То, что будет – будет ли? Какое?..

1998

СТРАХ ИЗ СНА

Метро колёсами вращает,
лязг продуцируя и вой.
А стоит задремать – страшает
финалом вторник роковой.
Он простирает злые тени
своих вооружённых крыл
через субботу, воскресенье...
И с головой меня покрыл
мистический какой-то ужас,
уж я, как будто и не тут...
Но, соблюдать приличья тужась,
я не считаю вслух минут
оставшихся... На рынок еду
купить картошки и т.д.
С самим собой веду беседу
о низком быте, о еде,
о ценах, выборах, пришельцах,
о президенте США,
о гимне, и что против Ельцин,
и прочее... И не спеша
воспоминаний пёстрых свалку
перебираю наугад,
пока душа впитает жалких
последних впечатлений яд.
2000

Извилины – как ясли мысли.
Листки бумаг – её пелёнки.
А ну-ка, Солнце, ярче свисти
и мысли высветли потёмки!

Там, в закоулках трансцендентных,
прижали ушки, как зайчатки,
ещё нейтральны, точно деньги,
её невнятные зачатки.

Но то, что *там* тихонько снилось,
обрушась миру в гулкий бункер,
на плюс развалится и минус,
на как бы золото и пурпур.

И мысли яростная юность,
равно открыта тьме и свету,
не сожалея, не торгуясь,
распустит золото по ветру.

Но – не один сыграет в ящик,
когда в пурпурном одеянье
она, попроси и набрякши,
осуществит себя – деяньем.

Когда в экстазе вдохновенья
дойдёт до ручки и до точки
и зафиксирует мгновенье,
соединяя проводочки.

И – исковеркан Универсум
исчадьем сморщенных извилин...

О мысль – маньячка, изуверка,
как фейерверк твой замогилен!..

2000

УЖАСНЫЙ НОВЫЙ МИР

На экране бой да в эфире вой...
Мир – чужой, иной, скроен наново.
Здравствуй, друг ты мой, конфидент ночной,
корешок ты мой валерьяновый...
Дед-Мороз пришёл, неказист, но зол,
в лето кол вколл (символический).
Мир предзимний гол, уж не жжёт глагол,
в голове – *алгол* архаический...

А кругом народ – кто жуёт, кто пьёт,
кто срывает плод Древа Знания...
Праздник жизни тот старожила влёт,
словно принца бьёт в старой Дании.
Впрочем, дед хорош: хоть ума на грош,
лыс, облезла прочь позолота вся,
среди кислых рож на козла похож,
но камлает всё ж (в позе лотоса)...

Зубом – цык! – вампир, завершая пир,
дескать, цыц, Шекспир недоделанный!
Был прекрасен мир, да прожит до дыр,
и летит в сортир – с песней дедовой:
«Ты лети, мой свет, по туннелю лет,
блик иных планет выколупывай.
А декабрьский снег, словно звон монет...¹⁰
Здравствуй, Новый свет (неколумбовый)!»
2002

¹⁰ Вариант: *Неказист и сед, как в шкафу скелет,*

Карикатура: толстопузый *Кризис*
(как некогда *буржуй* и *Уолл-Стрит*),
по-большевицки над толпою высясь,
изображает неподдельный аппетит.

Разинул рот, как в предвкушенье сиси
младенец; вожделеет и пыхтит,
не зная, что у мамочки мастит.
Чуть обождёт и заорёт, окрысаясь...

Вопи, вопи, несытый капризуля,
дави народ *железною пятой*¹¹.
Пусть публика, ревя и экстазуя,

валюту в банкоматах карауля,
по будням бдит, а также в выходной.
Ей не вернуть уж цен конца июля...

1998

¹¹ Как Большевик на одноимённой картине Б.Кустодиева

* * *

*Теплоход «Марина Цветаева»
застрял во льдах
Из газет*

Мороз. Застывают волны,
кругля ледяные спины.
Застопорен прежде вольный
безудержный ход Марины.
Зима, так сказать, на марше.
Рожок уже гимн пропел нам.
А кто горячей и ярче –
того и вморозят первым.
2001

ОНИ И МЫ

Чума за чумою на наши дома.
Но время чумы это пир нам,
и всё перманентней мы сходим с ума
в отечестве нашем обширном.

Правители с ним совершают инцест,
на славу печатную слабы.
А здраво однажды взглянуть бы окрест –
слезами душа изошла бы.

Европа вблизи, только толку-то чуть:
нам знание – религии опий...
Мы – венды, древляне, хазары и чудь.
Сортиры по-чёрному топим.
И пусть на лотке продают ананас,
и «Шипром» он благоухает –
«Воруют», – давно уж сказали о нас.
А можно добавить: «Воняют!»

В Европе не то. Там Диор да Шанель,
конверсия и супермаркет.
Давно не ползут тараканы по ней:
Чего им по чистому шаркать!
С утра подстригают газоны жлобы
и ходят в сплошной *haute couture*'е.
А нас не пруссаки сожрут, так клопы,
не чуждые нашей культуре.

У их что ни *брекфаст*, то деликатес:
анчоусы, йогурты, раки.
Везде евростиль... Да они и (в) *topless*
изящней, чем наши во фраке.

Они там, конечно, кругом хороши,
но мы их богаче – духовно.
Их низменны плюсы. А в плане души
они – просто-напросто *говны*.
Шампунями сверху скребут и снутри
шоссе, тротуары, перроны,
а сами не знают, что бог это три
в одном, а не то, что маммона.

Нас любят они (нас нельзя не любить!)
любовью, как минимум, брата.
Что им хорошо, нам – хана, может быть,
но нам помирать – рановато!

У нас впереди небывалый подъём:
как Муромцы – слезем с подушек
и к истинной вере их враз приведём:
запахнут – язвы его в душу!

2001

ГЛАГОЛЬ

Над Европой давно (и всегда) – закат.
А у нас как бы ночь – к утру.
Я – носитель великого языка
в относительно малом рту.

Этот рот – а я им плевал, курил,
клеветал, целовал и жрал –
перевёл на буквы монах Кирилл
а Мефодий врубил экран.

Мне вложили кондовые Ж, Ч, Щ,
чтоб глаголил, шептал и ныл,
чтоб надёжно и начисто зачищал
католическую латынь.

Дали мне трикратно свистящее С,
громовое вручили Р –
чтобы блюл государственный интерес,
либеральных презрев химер.

Есть для духа боль и для тела боль:
эта с пряником, та – с кнутом.
Потому что в начале была Глаголь.
И пётля. Слово – потом.

2001

ВЕТЕР В ЗУБАХ

На лбы наши лепят *фашишки*
красивые ёмкие свастики,
налоговая инспекция
из яблока режет клин.

Играют в чёрные ящики
весёлые головастики,
летит волосатое месиво
в массивы подзольных глин.

От Чили до Улан-Батора
безносая безударница
проносит в цехи и камеры
фрагменты узорной *zei*,
тогда как по эскалатору
спускаются (поднимаются)
пупки, ирокезы, хакеры,
процессоры, дым, пупки...

Профессоры: Келдыш, Яблочков,
Судзуки, Ферма, Склодовская,
Ломброзо, Меченов, Сечников,
Эпштейн, Менделеев, Шмидт!

Мы все уже в белых тапочках
прикрыты сырыми досками.
Мерцают огни в подсвечниках
и ветер в зубах шумит...

2002

Страна широка родная,
но в холод, грозу и зной
от лучших сынов её знаю,
что я ей не столь уж родной.
Что я пересажен в *корне*,
а он источает гниль,
что зря меня салом кормят –
валил бы в свой Израиль.

*Шумели бы там мне смоквы
асфальтовых вдоль дорог.
А как бы я петь там смог бы!
Я сам бы себе был – СМОГ...*

Но мне шелестят осины
среди, например, жнивья...
Негоже приёмному сыну
в племянники лезть, кумовья...
Я Родине спел бы оду,
но каменно нем – пока
тут шутят про кран и воду,
и шутка эта – горька.

2001

Когда сержант шмонает чурку
и на асфальт его, как тюк,
он может каждого за шкурку,
за шкурку то есть, и – к ногтю
Глядишь, и я, свободой гордый
еврей, ходящий, не боясь,
своей жидовской гадкой мордой
легко разнообразя грязь.
А там и Вам, красавец с виду,
гонитель чурок и жидов,
сержант указанный обиду
уж будет нанести готов.
Да и сержанту-то недолго
гулять по воле – О-го-го!..
Возможно, самый главный орган
положит Фюрер – на него...

Мы сдохнем все, как динозавры,
но никого из нас не жаль –
была б единою Держава
и монолитною, как сталь!

2001

Не принимайте меня во внимание,
я ведь никто: настоящее *нободи*¹².
Я подстелюсь (но скажите заранее).
Я повишу – на крюке и на проводе.
Я постою, попою, покумекаю.
В рифму могу, а могу и по-белому.
Или по-чёрному... Если и некогда,
я всё равно – что прикажете – сделаю.
Не попрошу ни динара, ни рупии.
Не намекну – ни кивком, ни гримаскою.
Да не стесняйтесь – вы прямо как глупые!
Только не жмите, а – ласкою, ласкою...
2002

¹² *nobody* – (англ.) *никто*

КОНЕЦ СПИРАЛИ

Кем быть полезней – истцом? партийцем?
смягчать нокауты полотенцем?..
Ведь всё исчезнет и испарится,
всё так и канет – невозвращенцем.

Будь Геродотом ли, Геростратом;
щедр или алчен; весом ли, весел;
твои голгофы, твои фальстарты –
твой личный ларчик – по интересам.

Ты снова мальчик – курчав ли, лыс ли –
шагни за чиру, воскликни: «Штандер!..»
Как мир заманчив! Как яркие мысли!
Владей же миром: ты – АЛЕКСАНДР!

Всё так и шло: логарифмы, рифмы;
любовь без фальши (и с фальшью – реже)...
Приятно долог маршрут к харизме...
Ах, так и дальше б... Но нет же, нет же!..

Обижен плотски, рычал, как зверь бы,
грыз, полуголый, бы прутья клетки,
недель полоски слагая в зебры,
их – в полугодья, те – в пятилетки...

Но холить тельце, клянусь, не важно –
не будь я хакером суперкода –
и полотенца: помогут, как же,
от многоякого апперкота.

А всё ж противно – ерошить баки,
к старушке лютой спеша на форум,
тогда как тигры в полоску хаки
в камыш скользнут и сольются с фоном...

Уесть беззубым ли жизни сласти!..
Дожеван пончик. Нам всё наврали.
Где славы бубны? Где пики власти?..
Завод окончен. Конец спирали.

2003

* * *

Время – как в бочке, где пробка пропала.
И – под напором под необъяснимым –
годы что клоуны; месяцы – мимы...
Кронос худой, уходи с пьедестала!

Детство прольётся и молодость – мимо...
Станешь ли ты *королевой Непала*,
или – введёшь *постулат Серафимы* –
мне ничего не покажется мало.

Кроме, однако, верховного смысла:
где он? И, может быть, хватит морочить
головы наши оскоминой кислой,

будто он – есть. И не лучше ли – прочерк
жирный проставить в заветы, скрижали?..
Время уходит. Года пробежали.

2000

...и где достать проклятую деньги?
Кто знает? Подскажите поскорее!
И слышу голос: «Ты совсем ку-ку,
ты даже не играешь в лотереи!
На скачках! С односторонним... этим... Джо!..
Ты викторины не сечёшь вопросов...
Ну, например: «Ужо тебе! Ужо...» –
кто так сказал? Какой-нибудь философ?
Ну, а «С мечом кто прибыл – от меча
погибнет» – это кто же? Что за птица?..
Понятно. Я словами Ильича
тебя пошлю: «Учиться и учиться!»».
И я пошёл учиться. А пока
я шёл учиться, заглянул в витрину
и вижу объявление: «**ВИКТОРИНА!**
"ЧТО НАМ ИЗВЕСТНО ПРО ВОЛОВИКА"»
Ну, я зашёл. Подумал: может, знаю
ответ хотя бы на один вопрос.
Вошёл и сел, так, очень скромно, с краю.
Язык к гортани сразу же прирос,
а зад – к сиденью. В зале всё теснее.
Уже вопросы задаёт судья.
Я слушаю враньё и ахиною
насчёт того, когда родился я.
Меня бесила серость их и смелость.
Турнир профанов! Сборище зануд!..
«Я знаю! Знаю!..» – крикнуть мне хотелось.
Но я молчал, не в силах повернуть
язык, дотопе в рифмах изошрённый¹³
2000

¹³ Дальше не придумал...

НЕДОЛГОВЕЧНАЯ ПОЕЗДКА

Недолговечная поездка
на конке времени гнилого
на тарантасе-таратайке,
на колбасе и на дуге.

И вот уж транспортное средство
трамваем Юрия Живаго
пошло на круг и встало к стенке.
У гильотины. Буквой Г.

Откуда ни возьмись – кондуктор
в сопровожденье контролёра
листаёт липкие билеты,
как лотерею, наугад.

Он улыбается, как будто
он знает истинную меру –
кому в расход, кому в болото,
кому вперёд, кому назад...

То, как садовник, взяв секатор,
сомнанбулический лунатик,
он ходит, щёлкая, по саду
и ищет спелого плода.

А контролёр, как экзекутор
или судебный исполнитель,
на невербальную беседу
препровождает в никуда.

Пусть же кто-нибудь расскажет,
в чём смысл такого поведенья.
А может, нету контролёра,
и наша жизнь – одна игра?..

Не вылезайте вон из кожи:
хоть так, хоть этак – до свиданья.
Пусть вам до следующей химеры,
а мне, наверное, пора...

2002

* * *

Есть такие *человеки*,
что ведут себя, как *тигры*,
или беркутом могучим
камнем падают на мышь.

А другие – как чайники:
в остывающем аллегро
по кругам плывут горячим
чтобы только не шуметь.

Я себя отождествляю
с засыхающим листочком,
но не дуба или клёна,
а осины, например.

То ли справа, то ли слева
грянет мусорщика тачка,
загребая неуклонно
всякий скрюченный предмет.

Я колеблемей осинки,
незначительнее пешки,
мне, листку (но и примату),
сотрясает тонкий ствол
этот грохот предпоследний
устрашающий и тошный,
и нелепые приметы
завершения – Всего.

Например, уполномочен
дуть беспощлинно, безданно,
ветер августа беспечно
рвёт прозрачный мой скелет.

♪ *А когда настанет вечер,*
♪ *я пойду бульваром сонным*
полахать костром пахучим,
подыхать на веки лет.

2002

Был лыс и много пòжил.
Положил
на кафедру зелёный том со стуком
(как гоп – со смыком).
Вытащил платок, как фокусник,
из заднего кармана
и, развернув, чтоб видели: он пуст,
то есть всё будет чисто, без обману,
платком закрылся,
что-то протрубил
мажорное.
Платок сложил и спрятал.
Коснулся круглой лысины рукой.
Задумался.
Провёл по ней перстами.
И, глядя как бы в суть вещей, сказал:
..АЛГЕБРА ШЛИФУЕТ ГОЛОВУ!
Затем нам начал лекцию читать
о способах решения систем
линейных уравнений,
там, про детерминант и что-то вроде...
И это был лишь первый шаг пути.
А где-то там, далёко впереди,
сияла **ТЕОРЕМА О СВОБОДЕ** ¹⁴.
2000

¹⁴ Известная теорема А.Г.Куроша

О мои однокурсники!
О мои одноклассники!..
Где спортивные курточки?
Где повальные «*классики*»?..
Где похвальные грамоты?
Предзачётные бдения?..
Кто – ослаб по буграм идти,
кто – снижает давление.
Кто сердечный, кто почечный,
кто – кишечно-желудочный...
Кто сражён одиночеством,
кто *увучен* до ужаса...
Нас бессрочно задвинуло
в темь; теперь не по-прежнему!..
Доля отдана лъвиная
нагловатым тинейджерам.
Да и лиру – кому ещё
передать, уж не этим ли –
ни хрена не рифмующим,
а туда же – поэтам, *блин!*
Да и шарик игрушечный
подпалённый да плесневый
старичкам со старушками
не катать уже с песнями.
А катать на колёсиках
мощи дряблые трезвые...
В телевизоре классику
разжуём ли протезами?..
Лица сухи и слепеньки.
Лапки спрятаны в валенки...
О мои *односклепники*
и *однокатафальники*.
2003

Осиновый листик летит к пигментологу:
– Я что-то желтею, я что-то краснею...
И мне не *трепещется*, рыжему, долго.
Зелёный – был хват. А теперь – помирнее...
Парили пушинки (блестел я упруго),
стрекозы шептались о чём-то своём...
Верните мне, доктор – прошу Вас как друга –
мой вид и фактуру, мой цвет и объём!..

Пигментологиня помажет микстурами.
Помашет рецептом, пронзительно белым.
Инъекцию сделает против простуды.
Поставит компресс к черенку, между делом.
Примочку из охры с сиреневой мазью
сольёт, чтобы предупредить рецидив.
А листья багряные сыплются наземь,
и куколки спят в паутинках седых.

2003

ДЕВЯТЬ ДНЕЙ

Памяти Виктора Гиленко

Снова потеря. Всё чаще и злей
этот зажившимся мстительный дар
времени. Гороскопический змей,
словно взбесившись, грызёт календарь.

Ты серебристым таким лепестком,
сном голубого подсолнуха плыл,
с грубостью мира почти не знаком
в переплетенье трепещущих крыл...

Утро, казалось, ещё не причём:
солнцу – сиять, а минутам – ползти.
Знал ли ты утром о том, что включён
день воскресения в счёт Девяти?..

Днём аритмически билась в груди
кровь, и кошмар набирал оборот.
Ах, кабы встреча ждала впереди
с тою, любимой, что вышла – вперёд!

...Был бы конец, как начало, хорош,
смерть бы под вечер казалась игрой
(прямо, как жизнь): тут чуток поживёшь,
глядь – воскресенье; мир, значит, иной...

Нет же!.. Всё кончено до темноты
с узкой, как лист, серебристой луной.
Все чудеса – голубые мечты.
Вот и подсолнух цветёт голубой.

30.07 – 10.08.2001

ПОВОД К ПЕРЕБОРУ

*Как бы резвяся и играя,
с сенокосилкой за плечами,
гляди, грядёт седая краля,
как внешний повод для печали.*

А это повод к перебору
воспоминаний и итогов.
– *Memento*, знаете ли, *mon*, –
замечу, лысину потрогав...

Чужой на скачках и на дудках,
в графе «игра» я ставил прочерк
и избегал углов бермудских
посредством циркуля и прочих –
правил ли, правил ли, лекал ли,
линейных или квадратичных...
А кое-кто навеки канул
и сгинул в *нетях* непрактичных...

Итак, поблизости от гроба,
тропа к которому просторна,
поводит усиком утроба,
жратвы поводырь до уборной.

И я, утробы той хозяин,
усвоив варево и пиво,
вдруг озаботился: нельзя ли
дожить и помереть – красиво?

Не на смертельную простынку
нагадить, булькая со страху,
а ту, с косою, пнуть ботинком
и рухнуть – гордо, как на плаху...

Но провалявшийся на псине
то на спине, то с боку на бок,
я позабыл о звёздной сини
и притерпелся на ухабах.

Не выдаётся гроб на-вынос
под жизнь, забитую узлами,
и не мечты невыполнимость,
а **н**еразнузданность желаний

мне не даёт – подняться с места
и вдеть ступни в ночные туфли...

Я оседаю, точно тесто,
перестоявшее на кухне.

2002

СЛЕДУЮЩАЯ ЖИЗНЬ

Следующая жизнь –
она не такая, как эта.
Ведь я уже буду знать,
как надо себя вести.
Как научусь писать –
сразу пойду в поэты.
А как *половó* созрею –
освою любовный стиль.

Стану *гуманитарием* –
чтобы поменьше трудиться.
Ну – ремесло для денег,
скажем, *сантехник-сан*.
Семьи заводить не стану:
буду свободен, как *птица*.
Пожалуй, съезжу в Европу
и всё повидаю сам.

Заведу себе девочку колли,
рыжую и шальную.
Чёрно-белыми вечерами –
виртуозных перстов пасьянс...
В виртуальных кругах вращаясь,
за окном пропущу весну я.
Супротив фантома вистуя,
упущу на бессмертье шанс...

И в этой жизни другой,
в неизвестности где-то,
за переходом скорым,
когда чёрная хрустнет твердь,
обнаружится новый мир,
может быть, не такой, как этот,
но, конечно, ещё прекрасней
и солнечней, чем теперь.

2003

СОДЕРЖАНИЕ

Время – вдохновенья. Начинаю пенья 3

БАЯТЕЛЬ СВИСТА

БУКВЫ И ЦИФРЫ	8
Начну балладу длинную писать	9
киТЫ И Я	10
КУНШТЮК	12
МОЕМУ ПОПУГАЮ	13
ДОГОВОРЁННОСТИ	14
Мои стихи формальны, не душевны	15
Палиндромы, анаграммы	16
БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР-2	17
ИЗ НЕДОДЕЛАННОГО	18
NULLA DIES SINE LINEA	19
Ты лети, моя строка	20
ТАЛАНТЫ – ПОКЛОННИКАМ	21
Люблю обычные слова	22
Демокрит учил	23
ЗАГОТОВКИ: ЧТО НА ЧТО ПОХОЖЕ	25
В лирике поэзии ничуть не больше	26
Литература сквозь века	27
HARD & SOFT	28
Все цацки к чёрту	30

СЛОВО ЗА СЛОВО

СЛОВО ЗА СЛОВО	33
СБИВАНИЕ СОСУЛЕК	37
КАК – ПРАВИЛЬНО?	36
О ЕДЕ	37
МЫ ЕДЕМ, ЕДЕМ, ЕДЕМ	38

ДЕЛЕНИЕ	39
Я жрец жратвы, питон питанья.....	40
МОЁ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО	41
ЯБЛОКИ	42
АЛЕКСАНДР	43
ПОДУМАЕШЬ, БИНОМ НЬЮТОНА.....	45

КАК УСТРОЕН ЭТОТ МИР

Как устроен этот мир	49
РАННЯЯ ВЕСНА.....	50
Я разменял августейшее утро.....	51
Как, в сущности, удивительно всё	52
Смотри, это Божия Матерь.....	53
10 КРАТКИХ БИОГРАФИЙ.....	54
РАССЕИВАНИЕ В НИЧТО.....	55

МУЗА РАЗУМА

А МУЗА РАЗУМА	59
Головою я, не при дамах сказать, наГ.....	60
ЖИЗНЬ	61
ЭТА Гофман, ЭТА Гофман!.....	62
Хоть Толстого читай, хоть Гегеля.....	63
Там, где Герцен с Огарёвым	64
Серебряное время. Слом эпох	65
Оскар Уайльд и Ерофеев Веня.....	66
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	67
ЗАВИСТЬ К ФАНДОРИНУ.....	69

РОМАНТИКА

Строчу привычно, весь блокнот исчеркал	73
ПАРАД ПЛАНЕТ	74
СТРИПТИЗЁРКА	75
Между экватором и полюсом	76
КОЗНИ АНГЕЛА	77
РОМАНТИКА	78
ОТРЫВОК	79
АДАМ И ЕВА	81

БОЛЬШОЙ ГОРОД

По новой линии метро я еду до Арбата	85
НА РАБОТУ	86
ВОНЮЧИЕ МАЛЬЧИКИ	87
Москва! Пречистенка, Арбат	88
ПАМЯТИ Г. В. САПГИРА	89
УЛЁТ МУЗЫ	90
СЕРЬ	91
БОЛЬШОЙ ГОРОД	92

УЖАСНЫЙ НОВЫЙ МИР

О, оторопь от разного прогресса	95
Всё кажется – время вертится	97
Подобно мне, будь независима	98
Свобода, здравствуй! Наливаю чаю.	99
ГОРКА СЛОВ	100
Пять недель, и – окончанье года	102
СТРАХ ИЗ СНА	103
Извилины – как ясли мысли	104
УЖАСНЫЙ НОВЫЙ МИР	105
Карикатура: толстопузый <i>Кризис</i>	106
Мороз. Застывают волны	107
ОНИ И МЫ	108
ГЛАГОЛЬ	110
ВЕТЕР В ЗУБАХ	111

Страна широка родная	112
Когда сержант шмонает чурку.....	113
Не принимайте меня во внимание	114
КОНЕЦ СПИРАЛИ	115

СЛЕДУЮЩАЯ ЖИЗНЬ

Время – как в бочке, где пробка пропала.....	119
...и где достать проклятую деньгу?.....	120
НЕДОЛГОВЕЧНАЯ ПОЕЗДКА	121
Есть такие люди.....	122
ПАМЯТИ проф. А.Г. КУРОША	123
О мои однокурсники	124
Осиновый листик летит к пигментологу	126
ДЕВЯТЬ ДНЕЙ.....	126
ПОВОД К ПЕРЕБОРУ	127
СЛЕДУЮЩАЯ ЖИЗНЬ	129